Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-25-34
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
https://ludmilagru.academia.edu/research,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье предложена методологическая модель исследования протоконституционных актов Российской империи как особой группы источников публичного права, расположенных между доктринальными проектами, актами текущего управления и полноценной писаной конституцией. Обосновывается, что протоконституционность не может сводиться к наличию в документе отдельных либеральных формул или упоминанию прав подданных. Ее юридическое содержание раскрывается через совокупность признаков: претензию акта на повышенную нормативность, регулирование верховной власти и порядка законотворчества, институционализацию представительства или совещательного участия общества, закрепление гарантий правового статуса сословий либо подданных, а также создание процедурных ограничений административного произвола.

Ключевые слова: протоконституционализм, Российская империя, самодержавие, правовое государство, сословные права, государственное управление, представительство, конституционализаци.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

PROTOCONSTITUTIONAL ACTS OF THE RUSSIAN EMPIRE: IDENTIFICATION CRITERIA AND METHODOLOGY OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Annotation. The article proposes a methodological model for the study of proto-constitutional acts of the Russian Empire as a special group of sources of public law located between doctrinal projects, acts of current governance and a full-fledged written constitution. It is justified that protoconstitutionality cannot be reduced to the presence of separate liberal formulas in the document or the mention of the rights of subjects. Its legal content is disclosed through a set of signs: the claim of the act to increased regularity, regulation of the supreme power and the order of lawmaking, institutionalization of representation or deliberative participation of society, consolidation of guarantees of the legal status of estates or subjects, as well as the creation of procedural restrictions on administrative arbitrariness.

Key words: proto-constitutionalism, Russian Empire, autocracy, the rule of law, class rights, public administration, representation, constitutionalization.

Проблема протоконституционных актов Российской империи занимает пограничное место между историей государства и права, конституционным правом, источниковедением и историей политико-правовых учений. Трудность состоит в том, что российская государственность XVIII - начала XX вв. долгое время развивалась без единой писаной конституции в современном смысле, но при этом постоянно производила юридические формы, функционально приближав-

шиеся к конституционным: акты об организации верховной власти, проекты ограничения монарха, сословные хартии, учреждения представительных и судебных органов, нормы о порядке издания законов. Поэтому прямой вопрос: «когда появилась российская конституция?» методологически менее продуктивен, чем вопрос о том, какими юридическими средствами в имперском правопорядке постепенно формировалась конституционная материя [14; 24].

В дореволюционной и современной литературе исходная проблема нередко решалась бинарно: либо Российская империя до 1906 г. признавалась неконституционной монархией, либо отдельные документы задним числом объявлялись «первыми конституциями» России. Оба подхода упрощают историко-правовую реальность. Первый подход игнорирует длительный процесс институционального усложнения самодержавия, а второй переносит на XVIII-XIX вв. понятия зрелого конституционного государства, сложившиеся в иной социальной и политической среде. Научно более точной представляется промежуточная категория протоконституционного акта: она позволяет описывать не готовую конституцию, а юридические конструкции, создававшие предпосылки конституционного ограничения власти [15; 16; 25].

Для современной конституционно-правовой науки важно понимать, что российская традиция конституционализма не возникает внезапно в 1905-1906 гг. и не исчерпывается советским или постсоветским периодом. Она имеет сложную имперскую предысторию, в которой сосуществовали рационализация управления, сословная привилегия, кодификация, бюрократическое саморегулирование, локальное самоуправление и осторожные попытки представительства. Именно эта неоднородность и требует методологической дисциплины: исследователь должен отличать собственно конституционные признаки от внешне похожих, но юридически иных феноменов [37; 38; 39].

Под протоконституционным актом в настоящей статье предлагается понимать источник права или официальный государственно-правовой проект, который не является конституцией в строгом современном смысле, но регулирует вопросы, относящиеся к ядру конституционной материи: организацию верховной власти, пределы осуществления публичной власти, статус подданных, порядок законотворчества, устройство представительных или судебных институтов, гарантии правового порядка. Такое определение принципиально отличается от расширительного употребления термина «конституция» применительно ко всякому важному политико-правовому документу [3; 4].

Важнейший признак протоконституционного акта состоит не в его либеральности и не в демократичности, а в его институциональной функции. Документ может закреплять сословные привилегии, сохранять монархический суверенитет, не провозглашать народного представительства и тем не менее иметь протоконституционное значение, если он юридически структурирует власть, вводит более устойчивые правила ее осуществления или формирует правовые гарантии от произвольного вмешательства. В этом смысле Жалованная грамота дворянству 1785 г. не была общегражданской декларацией прав, но фиксировала устойчивый правовой статус сословия и ограничивала административное усмотрение по отношению к нему [1].

Предлагаемое понятие требует разграничения трех уровней анализа. Первый уровень - нормативно-действующий: акты, реально включенные в правопорядок и применявшиеся органами власти. Второй уровень - официально-проектный: документы, подготовленные по воле монарха или в системе государственного управления, но не введенные в действие. Третий уровень - доктринально-политический: сочинения, программы и проекты общественных движений, не обладавшие статусом официального источника права. Все три уровня значимы для истории конституционализма, однако их нельзя механически смешивать.

Так, «Кондиции» 1730 г. имеют особый статус: они были подписаны Анной Иоанновной, но вскоре отвергнуты и потому не стали устойчивой частью действующего правопорядка [9]. «Введение к Уложению государственных законов» М.М. Сперанского 1809 г. представляло собой официальный план преобразования, но не закон [11]. Государственная уставная грамота Н.Н. Новосильцева была подготовлена как проект общегосударственного конституционного акта, однако не была промульгирована [10]. Напротив, Основные государственные законы 1906 г. были действующим законом и образовали реальную правовую рамку ограниченной дуалистической монархии, хотя сохраняли сильнейшие элементы самодержавного начала [5; 27; 35].

Следовательно, протоконституционность является не формальной этикеткой, а аналитической характеристикой. Она выявляется через сочетание юридической формы, предмета регулирования, институциональной функции и места документа в эволюции публичного права. Такой подход позволяет не подменять правовую историю политической публицистикой и одновременно не сводить историю конституционализма к дате принятия единственного акта.

Российская империя представляет особый случай. Здесь конституционализация развивалась в рамках самодержавной парадигмы, где верховная власть мыслилась как юридически нераздельная и персонально сосредоточенная в монархе. Вместе с тем самодержавие нуждалось в кодификации, управленческой рациональности, финансовой дисциплине, судах, местной администрации, сословном представительстве и экспертно-законодательных органах. Иными

словами, даже не отказываясь от идеи верховного самодержавия, имперская власть вынуждена была производить юридические формы, которые объективно ограничивали произвол и создавали устойчивые процедуры [21; 30].

В российской имперской истории документы часто имеют сходный язык: «грамота», «наказ», «манифест», «учреждение», «положение», «устав», «основные законы», «проект». Однако юридическая сила этих форм существенно различалась. Манифест мог быть актом высшей политической воли; положение - развернутым нормативным регламентом; учреждение - актом об организации органа власти; устав - процессуальным или материальным законом; проект - текстом, не приобретшим обязательной силы.

Для целей настоящего исследования необходимо различать минимум четыре группы источников. Первая группа - действующие нормативные акты, включенные в систему законодательства: Жалованные грамоты 1785 г., Судебные уставы 1864 г., Положение о земских учреждениях 1864 г., Манифест 17 октября 1905 г., Основные государственные законы 1906 г. Вторая группа - акты временного или спорного действия, правовая судьба которых прервалась: прежде всего «Кондиции» 1730 г. Третья группа - официальные проекты государственного преобразования: планы Сперанского и Новосильцева. Четвертая группа - доктринальные и общественно-политические тексты, включая работы дореволюционных государствоведов, которые позволяют понять понятийный аппарат эпохи, но не должны смешиваться с источниками права [15; 16; 19].

Особую сложность создают документы, формально не являвшиеся конституционными, но изменявшие структуру публичной власти. Например, Учреждение Государственного совета 1810 г. не провозглашало ограничение самодержавия, однако создавало постоянный орган законодательного обсуждения и тем самым переводило часть законодательной подготовки в более процедурную форму [12]. Судебные уставы 1864 г. также не были конституцией, но содержали институты, без которых конституционное государство невозможно: независимый суд, гласность, состязательность, адвокатуру, суд присяжных [7].

В источниковедческом плане необходимо учитывать не только текст, но и режим его действия. Один и тот же документ может иметь различную историко-правовую роль в зависимости от того, был ли он опубликован, применялся ли на всей территории империи, имел ли механизм реализации, мог ли служить основанием для притязаний подданных, изменял ли компетенцию органов власти. Например, нормы о правах дворянства имели реальное значение именно потому, что они были закреплены в форме жалованной грамоты и встроены в сословно-административную систему [1].

Следовательно, методология исследования должна соединять текстуальный и институциональный анализ. Текст показывает нормативное содержание, но институты показывают, стало ли это содержание элементом правового порядка. Без такого соединения возникает риск принять декларацию за право или, наоборот, недооценить юридическое значение формально «технических» учреждений [5]. Для практического применения категории протоконституционного акта необходима система критериев. Предлагаемые ниже критерии не являются исчерпывающими, однако позволяют провести первичную юридическую квалификацию источников имперского публичного права (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Система критериев протоконституционных актов.

Критерий	Юридическое содержание	Индикаторы в источнике
Повышенная нормативность	акт претендует на регулирование основ государственного порядка, а не отдельного административного случая	формулы «основные законы», «грамота», «права и преимущества», устойчивый порядок изменения
Компетенционное ограничение власти	устанавливаются пределы, процедуры или условия осуществления верховной и административной власти	запреты на произвольное наказание, порядок законотворчества, участие органов в принятии решений
Институционализация участия	создаются органы представительного, сословного, совещательного или самоуправленческого характера	думы, земства, Государственный совет, Государственная дума, собрания сословий
Гарантии правового статуса	закрепляется устойчивое правовое положение лиц, сословий, обществ или территорий	права, вольности, неприкосновенность собственности, судебные гарантии
Процедурность публичной власти	власть переводится из режима личного усмотрения в режим юридически описанной процедуры	процессуальные уставы, гласность, состязательность, судебная независимость, бюджетные процедуры

Итак, первый критерий - повышенная нормативность. Протоконституционный акт должен выходить за пределы обычного административного распоряжения и затрагивать основы правового порядка. Это не обязательно означает формальное верховенство в иерархии источников, поскольку сама иерархия в имперском праве была устроена иначе, чем в современном конституционном государстве. Но акт должен содержательно претендовать на установление устойчивых правил публичной власти. С этой точки зрения Свод основных государственных законов 1832 г. имел протоконституционное значение уже потому, что выделил основы государственного строя в особый нормативный массив [12].

Второй критерий - компетенционное ограничение власти. Если документ определяет, что тот или иной орган действует в пределах установленной компетенции, что закон должен проходить через определенную процедуру, что суд не может подменяться администрацией, он создает юридическое ограничение публичной власти. Даже когда верховная власть сохраняется за монархом, наличие компетенционных формул меняет правовую технику управления.

Третий критерий - институционализация участия общества или его частей в публичном управлении. В Российской империи это участие долго оставалось сословным, имущественным, совещательным или локальным. Однако земства, городские думы, дворянские собрания, Государственная дума и преобразованный Государственный совет выражали разные формы включения общества в публично-правовой процесс. Они не всегда были демократическими, но юридически разрушали абсолютную монополию бюрократического центра на производство управленческих решений [2; 6; 36].

Четвертый критерий - гарантии правового статуса. Для конституционной истории России принципиально важно, что первые устойчивые гарантии возникали не как универсальные права человека, а как сословные права и привилегии. Такая генеалогия не отменяет их протоконституционного значения. Напротив, она показывает специфический путь: от корпоративных гарантий к идее общегражданского правового статуса. Поэтому Грамоты 1785 г. необходимо анализировать не как неполноценные декларации прав, а как сословно-правовую форму ранней юридизации публичного статуса [1; 2].

Пятый критерий - процедурность публичной власти. Конституционализм не исчерпывается перечнем прав; он предполагает, что власть действует через публичные, проверяемые и относительно устойчивые процедуры. Судебная реформа 1864 г. была протоконституционной именно потому, что вводила процедурные гарантии: открытость судебного заседания, состязательное начало, участие присяжных, отделение суда от администрации, профессиональную адвокатуру [7].

Указанные критерии должны применяться совокупно. Наличие одного признака не превращает всякий акт в протоконституционный. Например, административное положение может быть процедурным, но не касаться основ власти; сословный акт может закреплять привилегии, но не создавать значимого ограничения публичной власти. Только сочетание предмета, формы и институционального эффекта позволяет говорить о протоконституционном качестве источника.

«Кондиции», подписанные Анной Иоанновной в 1730 г., традиционно рассматриваются как один из ранних эпизодов ограничения самодержавной власти в России [9; 26]. Их протоконституционное значение состоит не в демократическом содержании: документ выражал прежде всего интересы верхушки аристократии и Верховного тайного совета. Однако он впервые в имперскую эпоху поставил вопрос о юридическом ограничении монарха в форме условий вступления на престол.

Содержательно «Кондиции» ограничивали самостоятельность императрицы в ключевых сферах: объявление войны и заключение мира, введение налогов, распоряжение значительными государственными должностями, пожалование вотчин, заключение брака, назначение наследника. В логике современного конституционного права такие положения относятся к пределам верховной власти и компетенционному распределению государственных функций. В логике 1730 г. они означали попытку заменить персональное самодержавие олигархическим контролем высшего совета.

Важно понимать, что «Кондиции» не создавали народного представительства, не устанавливали систему прав подданных, не закрепляли разделение властей и не предполагали публичного механизма ответственности. Более того, их политический замысел не был направлен на построение правового государства в позднейшем смысле. Тем не менее они демонстрируют принципиальную возможность юридического договора о пределах монархической власти. Именно эта возможность делает документ протоконституционным.

Историко-правовой анализ «Кондиций» требует также учета их кратковременности. Поскольку Анна Иоанновна вскоре публично разорвала документ, он не стал устойчивым источником действующего права. Поэтому его следует относить не к действующим протоконституционным актам, а к актам прерванной протоконституционности. Его значение заключается в том, что он выявил проблему: самодержавие может быть поставлено перед требованием юридического самоограничения, но социально-политическая база такого ограничения в 1730 г. была крайне узкой. Таким образом, «Кондиции» показывают первую методологическую ловушку: нельзя отождествлять ограничение монарха с конституционализмом в полном объеме. Ограничение может быть корпоративным, олигархическим и непубличным. Но и

игнорировать его нельзя, поскольку именно через такие неполные формы в правовой культуре возникает вопрос о верховной власти как юридически ограничиваемой.

Вторая крупная группа протоконституционных источников связана с эпохой Екатерины II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. был не законом в полном смысле, а программным актом законодательной политики, адресованным кодификационной комиссии [8]. Он содержал идеи законности, умеренности наказания, связи законов с устройством государства, критики произвола, понимания суда как необходимой формы защиты. Его значение состоит в переносе языка европейского Просвещения в официальный дискурс российской власти.

Наказ не ограничивал самодержавие институционально. Напротив, он исходил из сохранения монархической формы и просвещенного характера верховной власти. Поэтому его нельзя квалифицировать как конституционный акт. Однако методологически он важен как источник формирования конституционного языка: закон, безопасность, свобода, соразмерность наказания, публичная польза, устройство государства. Для историко-правовой науки это пример того, как доктринальные идеи входят в официальную нормативную риторику, не меняя немедленно политическую форму государства. Более выраженное протоконституционное значение имели Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. Грамота дворянству закрепляла личные и имущественные гарантии дворянского сословия, подтверждала освобождение от обязательной службы, налоговые и судебные преимущества, право корпоративной организации. Грамота городам регламентировала статус городского общества, разряды городских обывателей и основы городского самоуправления [1; 2].

С современной точки зрения сословная ограниченность этих актов очевидна. Они не устанавливали равенства, не признавали универсальных прав личности, не охватывали крестьянскую массу и не формировали национальное представительство. Однако именно поэтому они должны рассматриваться не как «неудачные конституции», а как сословные хартии правового статуса. Их протоконституционность проявляется в том, что власть признала устойчивые права корпораций и связала себя публично объявленными нормами.

Важен, на наш взгляд, и другой аспект. Жалованные грамоты создали юридическую форму коллективного участия: дворянские собрания, городские общества, выборные должности и корпоративные процедуры. Это была не демократия, а сословное самоуправление. Но в правовой истории оно выполняло подготовительную функцию: учило общество действовать в пределах формализованной процедуры, выбирать представителей, составлять коллективные решения, обращаться к власти от имени корпорации.

Методологический вывод состоит в необходимости анализировать ранний российский протоконституционализм через категорию статуса, а не только через категорию власти. В западноевропейской традиции конституционное развитие часто описывается как ограничение монарха представительством. В России XVIII в. более заметным оказался иной путь: юридизация сословных статусов, возникновение корпоративных гарантий и частичная защита от административного усмотрения. Этот путь был социально неравным, но правовой по своей форме.

Начало XIX в. связано с переходом от сословно-хартийной логики к проектам системного государственного преобразования. Центральное место здесь занимает М.М. Сперанский. Его «Введение к Уложению государственных законов» 1809 г. предлагало рационализировать государственный механизм, развести законодательные, исполнительные и судебные функции, создать иерархию представительных учреждений, связать власть законом и процедурой [11; 34]. М.М. Сперанский не предлагал революционного уничтожения монархии. Напротив, его проект исходил из сохранения верховной власти императора, но стремился окружить ее системой учреждений и процедур. Именно в этом состояла сущность проектной конституционализации самодержавия: власть не отказывается от верховенства, но должна действовать через юридически оформленные каналы. В таком подходе заметна попытка соединить российскую монархическую традицию с европейским рационализмом публичного права.

Учреждение Государственного совета 1810 г. стало частичной реализацией этой программы. Государственный совет был создан как высший законосовещательный орган, через который должны были проходить законопроекты. Хотя его решения не связывали императора в современном смысле, сама процедура предварительного обсуждения законов имела протоконституционное значение [12]. Она отделяла законодательную подготовку от произвольного волеизъявления отдельного чиновника и вводила элемент институциональной экспертизы.

Государственная уставная грамота Российской империи, подготовленная под руководством Н.Н. Новосильцева, представляла собой еще более явный пример официального конституционного проекта [10]. В ней содержались положения о государственном устройстве, правах подданных, представительном сейме, местных сеймах, судебных гарантиях. По форме и содержанию она приближалась к европейским хартиям начала XIX в., но не была введена в действие. Ее методологический статус - не действующий протоконституционный акт, а официальный проект высокой степени конституционной зрелости.

Проекты М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева демонстрируют, что российский конституци-

онализм не был исключительно оппозиционным явлением. Значительная часть конституционной материи вырабатывалась внутри самой бюрократической и монархической системы. Это принципиально важно: конституционное развитие Российской империи нельзя описывать только как борьбу общества против государства. Оно включало и внутренние государственные попытки рационализации верховной власти.

Вместе с тем, проектная конституционализация имела слабое место: она зависела от монаршей воли и не имела самостоятельного социального носителя. Пока конституционный проект оставался административно подготовленным планом, он мог быть остановлен политическим решением без юридического кризиса. В этом заключается отличие проекта от действующего протоконституционного акта: проект выражает возможную траекторию права, но не создает обязательного правового режима.

Свод законов Российской империи 1832 г. и особенно его первая часть, посвященная Основным государственным законам, имеют двойственную природу [12]. С одной стороны, они кодифицировали самодержавный принцип и тем самым закрепили неконституционный характер верховной власти. С другой стороны, само выделение «основных» законов и систематизация норм о государственном устройстве создали юридический корпус, близкий по предмету к конституционному праву. Этот феномен можно обозначить как отрицательную протоконституционность. Акт не ограничивает самодержавие в либеральном смысле, но формирует нормативную оболочку основ государственного строя. Он отвечает на вопросы, которые обычно регулируются конституцией: кто является верховным носителем власти, каков порядок престолонаследия, каково устройство центральных органов, каким образом соотносится закон и верховная воля. Тем самым он не вводит конституционализм, но создает объект конституционно-правового анализа.

Для методологии исследования это особенно важно. Если считать протоконституционными только акты, которые расширяют права или представительство, то Свод 1832 г. выпадет из поля зрения. Но если понимать конституционную материю шире - как правовое оформление основ власти, - то Свод должен быть включен в исследование. Он показывает, что имперское государство нуждалось в правовом самоописании даже тогда, когда это самоописание утверждало неограниченность монарха. Парадокс заключается в том, что кодификация самодержавия одновременно укрепляла власть и юридизировала ее форму. Чем более определенно власть описывает себя в законе, тем больше она создает материал для толкования, сопоставления, критики и требований последовательности. Поэтому историко-правовое значение Свода нельзя сводить к реакции николаевского периода. Он стал базой для последующего дореволюционного государственного права, на которой работали юристы, пытавшиеся осмыслить границы власти, закон, подданство и компетенцию учреждений [15; 17; 19]. Именно в этот период формируется важное для последующей науки различие между государственным правом как описанием имперских институтов и конституционным правом как доктриной ограничения власти. Российская юридическая мысль постепенно начинала видеть, что «основные законы» могут быть не только выражением верховной власти, но и юридической формой ее ограничения.

Великие реформы Александра II существенно изменили структуру российского публичного права. Их протоконституционное значение проявилось не в принятии единой конституции, а в создании институтов, без которых конституционный порядок практически невозможен. В первую очередь речь идет о судебной реформе 1864 г. и земской реформе 1864 г. [6; 7; 28].

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. ввели принципы, которые имели фундаментальное значение для правовой государственности: отделение суда от администрации, несменяемость судей, гласность процесса, устность, состязательность, участие присяжных заседателей, институт адвокатуры. Эти начала не отменяли самодержавия, но создавали автономное пространство права, в котором спор должен был разрешаться не административным приказом, а процессуальной формой [7].

Протоконституционность судебной реформы заключается в том, что она переводила идею законности из сферы декларации в сферу процедуры. Право становилось не только волей государства, но и формой, в которой государство обязано действовать. Судебная публичность создавала контроль общества; адвокатура формировала профессиональную защиту; присяжные вводили элемент общественного участия; кассация и процессуальные уставы создавали стандарты проверки судебных решений.

Земская реформа имела иной, но не менее важный эффект. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. создавало выборные органы местного хозяйственного самоуправления, компетентные в вопросах дорог, школ, медицины, статистики, местных сборов и хозяйственных нужд [6]. Земства не были политическим парламентом, их компетенция была ограничена, а избирательная система имела сословно-имущественный характер. Но они формировали устойчивую практику публичного обсуждения, выборности, отчетности и местной ответственности.

Городовое положение 1870 г. продолжило эту линию, расширив институты городского самоуправления. В совокупности земские и городские учреждения создали социальный слой людей, привыкших к публичной деятельности, сметам, отчетам, выборам, комиссиям, ходатайствам. Это обстоятельство имело огромное значение для со-

бытий 1905-1906 гг., поскольку представительные практики не возникли на пустом месте.

Методологически реформы 1860-х гг. показывают, что конституционное развитие может идти не через верховный акт, а через отраслевые институты. Судебные уставы - процессуальный источник; земское положение - акт местного управления; городовое положение - муниципальный закон. Однако их совокупный эффект был конституционным, поскольку они ограничивали административный произвол, создавали публичные процедуры и институционализировали общественное участие.

Рубеж 1905-1906 гг. является моментом, когда протоконституционное развитие Российской империи перешло в режим формального монархического конституционализма. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» провозглашал гражданские свободы и принцип участия Государственной думы в законодательстве [4]. Уже сам язык документа отличался от предшествующих актов: речь шла не только о совершенствовании управления, но о предоставлении населению основ гражданской свободы и о том, чтобы никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной думы.

Однако Манифест 17 октября был политико-правовой декларацией переходного периода. Его нормы требовали институционального закрепления. Такую функцию выполнили Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. Они закрепили единство и нераздельность государства, статус императора, порядок законодательства, структуру Государственного совета и Государственной думы, основные права и обязанности российских подданных [5].

Вопрос о том, являются ли Основные законы 1906 г. первой российской конституцией, остается на протяжении многих лет дискуссионным. С формальной точки зрения они не были приняты народом или учредительным собранием, были октроированы монархом и сохраняли сильные прерогативы императора. С содержательной точки зрения они включали ключевые элементы конституционной материи: особый раздел об основных законах, законодательные палаты, нормы о правах подданных, процедуру закона, ограничения нормотворчества без участия Думы. Поэтому корректнее говорить о дуалистической монархической конституции с мощным сохранением самодержавного начала [27; 35; 36].

Для темы настоящей статьи особенно важно, что 1906 г. не отменяет значение предшествующей протоконституционной истории. Напротив, он становится понятным только на ее фоне. Представительство Государственной думы опиралось на опыт земств и городов; юридический язык прав был подготовлен сословными хартиями и судебной реформой; идея основных законов была институционально закреплена еще в Своде; законосовещательная техника развивалась через Государственный совет; проекты М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева создали интеллектуальную матрицу ограничения самодержавия.

В то же время Основные законы 1906 г. демонстрируют пределы имперской конституционализации. Император сохранял верховную самодержавную власть в значительной части формулировок, обладал широкой компетенцией в сфере исполнительной власти, внешней политики, армии, назначения правительства, чрезвычайного нормотворчества. Статья 87 Основных законов позволяла издавать временные законы в период прекращения занятий Государственной думы, что создавало канал обхода парламентского участия [5, ст. 87].

Следовательно, переход 1905-1906 гг. был не простой победой конституционализма, а компромиссом между революционным давлением, бюрократической адаптацией и сохранением монархического суверенитета. Методологически это требует отказа от однозначных формул. Основные законы 1906 г. были и конституционным актом, и механизмом сохранения самодержавной вертикали. Их историко-правовая природа состоит именно в этой двойственности.

Проведенный анализ позволяет предложить типологию протоконституционных актов Российской империи. Первый тип - акты аристократического ограничения верховной власти. К нему относятся «Кондиции» 1730 г. Их особенность состоит в попытке договорного ограничения монарха в пользу узкой элиты. Это протоконституционность без публичности и без общегражданского измерения.

Второй тип - сословные хартии и акты корпоративного статуса. Наиболее показательны Жалованные грамоты 1785 г. Они закрепляли не универсальные права человека, а правовое положение сословий и городских корпораций. Их значение заключается в юридизации статуса и формировании устойчивых гарантий против произвольной административной практики [1; 2].

Третий тип - программные и проектные акты государственной реформы. Сюда относятся Наказ Екатерины II, проекты Сперанского, Государственная уставная грамота Новосильцева. Они не всегда имели юридическую силу, но формировали язык, доктрину и институциональную модель будущего конституционного порядка [8; 10; 11].

Четвертый тип - кодификационные акты основ государственного строя. Свод основных государственных законов 1832 г. закреплял самодержавную модель, но выделял основы государственного порядка в особый предмет регулирования. Это тип отрицательной или формально-структурной протоконституционности [12].

Пятый тип - институционально-процедурные акты реформ. Судебные уставы, земские и городские положения не являлись конституцией, но вводили процедуры правосудия, самоуправления,

публичности и выборности. Их протоконституционность наиболее практична: они меняли повседневную юридическую ткань империи [6; 7].

Шестой тип - переходные акты монархического конституционализма. Манифест 17 октября 1905 г., акты о Государственной думе и Основные государственные законы 1906 г. уже выходят за рамки протоконституционности и образуют собственно конституционную форму, хотя и октроированную, дуалистическую, неполную [3; 4; 5].

Эта типология имеет методологическое значение. Она показывает, что российская имперская конституционная история не сводится к одной линии «проект - отказ - революция - конституция». Она состоит из разных правовых режимов: сословного, бюрократического, кодификационного, судебного, самоуправленческого, представительного. Каждый из них создавал свой элемент будущей конституционной материи.

Протоконституционные акты Российской империи рассматриваются не как разрозненные исторические курьезы и не как «недоконституции», а как самостоятельные юридические формы, выполнявшие разные функции в процессе конституционализации. Такой подход позволяет преодолеть разрыв между историей государственного управления и историей конституционного права. История протоконституционных актов Российской империи показывает, что конституционное развитие России не может быть сведено к простой схеме отсутствия конституции до 1906 г. В имперском праве существовали многочисленные источники, которые регулировали конституционную материю: пределы верховной власти, правовой статус сословий и подданных, устройство органов, судебные гарантии, местное самоуправление, порядок законотворчества. Эти источники были неоднородны, непоследовательны и часто противоречивы, но именно они формировали юридическую предысторию российского конституционализма.

Протоконституционный акт следует понимать как источник или официальный проект, который не является конституцией в строгом смысле, но создает элементы конституционного порядка. Критериями такой квалификации выступают повышенная нормативность, компетенционное ограничение власти, институционализация участия, гарантии правового статуса и процедурность публичной власти. Совокупное применение этих критериев позволяет различать действующие акты, прерванные акты, проекты и доктринальные тексты.

Также отметим, что протоконституционные акты нельзя оценивать только по степени их соответствия современным демократическим стандартам. Их следует исследовать как исторически конкретные формы юридизации власти. Такой подход не снимает критики сословности, неполноты прав и сохранения самодержавных механизмов, но позволяет увидеть реальную правовую динамику: от привилегии к статусу, от совещания к представительству, от административного усмотрения к процедуре, от кодификации власти к вопросу о ее ограничении.

Список литературы:

[1] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1987.

[2] Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1987.

[3] Манифест об учреждении Государственной думы. 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1905.

[4] Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1905.

[5] Основные государственные законы Российской империи. 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1906.

[6] Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М. : Юридическая литература, 1989.

[7] Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб. : Сенатская типография, 1864.

[8] Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1987.

[9] «Кондиции», подписанные Анной Иоанновной в 1730 г. // Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней : сборник документов. М. : Изд-во МГУ, 1996.

[10] Государственная уставная грамота Российской империи / проект Н.Н. Новосильцева. 1818-1820 гг. // Российский архив. М. : Студия ТРИТЭ, 1996.

[11] Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов. План всеобщего государственного преобразования. 1809 г. // Сперанский М.М. Проекты и записки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 359 с.

[12] Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. I. Основные государственные законы. СПб. : Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1832.

[13] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : РЮИД ; Сашко, 2000. 528 с.

[14] Алексеев А.С. Русское государственное право. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1897. 583 с.

[15] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. 6-е изд. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1909. 402 с.

[16] Котляревский С.А. Конституционное государство. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1907. 386 с.

[17] Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М. : Типография Грачева и К°, 1866. 552 с.

[18] Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.

[19] Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права. М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1908. 155 с.

[20] Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1911. 163 с.

[21] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд. М. : Высшая школа, 1983. 352 с.

[22] Томсинов В.А. Сперанский. М. : Молодая гвардия, 2006. 383 с.

[23] Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: очерки жизни и творчества. М. : Зерцало-М, 2007. 468 с.

[24] Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : Российская политическая энциклопедия, 1998. 650 с.

[25] Шульженко Ю.Л. Российский конституционализм: история и современность // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 3. С. 41-71.

[26] Пронкин С.В. Политические намерения Верховного тайного совета в 1730 г. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 95-116.

[27] Дубенцов Б.Б. Основные законы Российской империи 1906 г. как трансфер западного конституционализма: оценки тренда тогда и теперь // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 152-171.

[28] Тимофеев М.С. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. как правовая основа проведения земской реформы в России // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 3. С. 138-142.

[29] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 588 с.

[30] Ремнев А.В. Самодержавное правительство: комитет министров в системе высшего управления Российской империи. Вторая половина XIX - начало XX века. М. : РОССПЭН, 2010. 511 с.

[31] Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago : University of Chicago Press, 1976. 345 p.

[32] Pipes R. Russia under the Old Regime. New York : Charles Scribner's Sons, 1974. 361 p.

[33] Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. New Haven : Yale University Press, 1983. 328 p.

[34] Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772-1839. The Hague : Martinus Nijhoff, 1957. 356 p.

[35] Меликовский А.А. Конституционная природа Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. // Эпомен. 2020. № 43. С. 156-166.

[36] Шульженко Ю.Л. Основные государственные законы 1906 г. - начало реального практического конституционализма в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3. С. 24-33.

[37] Сырых В.М. История и методология юридической науки. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 464 с.

[38] Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2011. 521 с.

[39] Методология историко-правовых исследований / отв. ред. В.Е. Гулиев. М. : Институт государства и права АН СССР, 1980. 184 с.

[40] Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. 5-е изд. М. : Юрайт, 2020. 521 с.

References:

[1] Charter to the Gentry: On the Rights, Freedoms, and Privileges of the Noble Russian Nobility. April 21, 1785 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the Period of the Flourishing of Absolutism. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1987.

[2] Charter to the Towns: On the Rights and Benefits of the Towns of the Russian Empire. April 21, 1785 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the Period of the Flourishing of Absolutism. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1987.

[3] Manifesto on the Establishment of the State Duma. August 6, 1905 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Series. St. Petersburg, 1905.

[4] Manifesto «On the Improvement of the State Order.» October 17, 1905 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Series. St. Petersburg, 1905.

[5] Fundamental State Laws of the Russian Empire. April 23, 1906 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Series. St. Petersburg, 1906.

[6] Regulation on Provincial and District Zemstvo Institutions. January 1, 1864 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 7: Documents

of the Peasant Reform. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1989.

[7] Judicial Statutes of November 20, 1864. St. Petersburg: Senate Printing House, 1864.

[8] Instruction (Nakaz) of Catherine II to the Commission for Drafting a New Legal Code (Ulozheniye). 1767 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the Period of the Flourishing of Absolutism. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1987.

[9] «Conditions» (Konditsii) signed by Anna Ioannovna in 1730 // The Russian State: Power and Society. From Ancient Times to the Present Day: A Collection of Documents. Moscow: Moscow State University Press, 1996.

[10] State Charter of the Russian Empire / Draft by N. N. Novosiltsev, 1818–1820 // Russian Archive. Moscow: Studio TRITE, 1996.

[11] Speransky, M. M. Introduction to the Code of State Laws. Plan for a General State Transformation, 1809 // Speransky, M. M. Drafts and Memoranda. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 359 p.

[12] Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. I, Part I: Fundamental State Laws. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1832.

[13] Avakyan, S. A. The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity. 2nd ed. Moscow: RYUID; Sashko, 2000. 528 p.

[14] Alekseev, A. S. Russian State Law. Moscow: Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1897. 583 p.

[15] Korkunov, N. M. Russian State Law. Vol. 1. Introduction and General Part. 6th ed. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1909. 402 p.

[16] Kotlyarevsky S. A. The Constitutional State. St. Petersburg: «Obshchestvennaya Polza» [Public Benefit] Partnership Printing House, 1907. 386 p.

[17] Chicherin B. N. On Popular Representation. Moscow: Grachev & Co. Printing House, 1866. 552 p.

[18] Kistyakovsky B. A. Social Sciences and Law: Essays on the Methodology of Social Sciences and the General Theory of Law. Moscow: M. and S. Sabashnikov Publishers, 1916. 704 p.

[19] Kokoshkin F. F. Russian Constitutional Law in Connection with the Fundamental Principles of General Constitutional Law. Moscow: Bashmakov Brothers Publishers, 1908. 155 p.

[20] Shershenevich G. F. General Doctrine of Law and the State. Moscow: Bashmakov Brothers Publishers, 1911. 163 p.

[21] Eroshkin N.P. History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia. 5th ed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983. 352 p.

[22] Tomsinov V.A. Speransky. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2006. 383 p.

[23] Tomsinov V.A. Russian Legal Scholars of the 18th–20th Centuries: Essays on Their Lives and Work. Moscow: Zertsalo-M, 2007. 468 p.

[24] Medushevsky A.N. Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in a Comparative Perspective. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1998. 650 p.

[25] Shulzhenko Yu.L. Russian Constitutionalism: History and Modernity // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 3. pp. 41–71.

[26] Pronkin S.V. Political Intentions of the Supreme Privy Council in 1730 // Moscow University Bulletin. Series 21. Administration (State and Society). 2011. No. 3. pp. 95–116.

[27] Dubentsov B.B. The Fundamental Laws of the Russian Empire of 1906 as a Transfer of Western Constitutionalism: Assessments of the Trend Then and Now // St. Petersburg Historical Journal. 2015. No. 2. pp. 152–171.

[28] Timofeev M.S. The Regulation on Provincial and District Zemstvo Institutions of January 1, 1864, as the Legal Basis for the Zemstvo Reform in Russia // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2014. No. 3. pp. 138–142.

[29] Mironov B.N. A Social History of Russia during the Imperial Period (18th – Early 20th Centuries): in 2 vols. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 588 p.

[30] Remnev A.V. Autocratic Government: The Committee of Ministers within the Higher Administration System of the Russian Empire (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Moscow: ROSSPEN, 2010. 511 p.

[31] Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 345 p.

[32] Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Charles Scribner's Sons, 1974. 361 p.

[33] Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983. 328 p.

[34] Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957. 356 p.

[35] Melikovsky A.A. The Constitutional Nature of the Fundamental State Laws of the Russian Empire of April 23, 1906 // Epomen. 2020. No. 43. pp. 156–166. [36] Shulzhenko Yu.L. The Fundamental State Laws of 1906: The Beginning of Real, Practical Constitutionalism in Russia // Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2019. No. 3. pp. 24–33.

[37] Syrykh V.M. History and Methodology of Legal Science. Moscow: Norma; INFRA-M, 2012. 464 p.

[38] Kerimov D.A. Methodology of Law: Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law. 6th ed. Moscow: SGU Publishing House, 2011. 521 p.

[39] Methodology of Historical-Legal Research / Ed. by V.E. Guliev. Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1980. 184 p.

[40] Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of State and Law. 5th ed. Moscow: Yurayt, 2020. 521 p.